

Ефим Резван,
доктор исторических наук,
заместитель директора
Музея антропологии и
этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамеры) РАН,
главный редактор научного
журнала «Manuscripta Orientalia»,
г. Санкт-Петербург
rezvan@kunstkamera.ru

Efim Rezvan,
Doctor of Historical Sciences,
Deputy Director of Peter the
Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera)
Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of
'Manuscripta Orientalia',
International Journal for
Oriental Manuscript Research,
Saint Petersburg
rezvan@kunstkamera.ru

Статья иллюстрирована фото, сделанными
во время эфиопской экспедиции МАЭ
РАН по маршруту Николая Гумилева в
2008 г. Фотограф – Татьяна Федорова.

The article is illustrated by photographs
made during expedition to Ethiopia of
Museum of Anthropology and Ethnography
of Russian Academy of Sciences along
African route of Nikolai Gumilev in 2008.
Photographs by Tatiana Fedorova.

الإجماع = **Согласие**

Проект / Project

الإجماع = **Concordia**

The image shows the dark silhouettes of Euphorbia plants against a bright, clear sky. The plants have thick, segmented stems and small, spiky leaves. The lighting is high-contrast, creating a stark black-and-white effect.

Иджма' (араб. «согласие») – одна из основ мусульманского права, согласное мнение мусульманских авторитетов данной эпохи.

Ijma' is one of the bases of Islamic religious law, the unanimous doctrine and opinion of the recognized religious authorities at the given time.

Будь как Бог: иди, лети, плыви!

Николай Гумилев

Последнее время в прессе, на телевидении, в научных публикациях все чаще звучит словосочетание «Русский мир». Среди многих его толкований мне ближе всего те, которые подчеркивают цивилизационное влияние русской культуры. Этот русский мир поистине безбрежен, ибо «Муза дальних странствий» нередко увлекала видных деятелей русской культуры далеко за пределы своей страны¹:

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.

¹ Датировка стиха всегда условна, как условно и поэтическое время. Оно не делится на прошлое, настоящее и будущее: поэт может предвидеть события, а может и откликаться на них спустя много лет. Аналогичным образом условен и адресат конкретного стихотворения: поэт обращается к своей единственной Женщине, к Прекрасной даме, а конкретное стихотворение он может посвятить сначала одной женщине, а потом другой, как это не раз случилось в поэтической биографии Н.С. Гумилева. Тем не менее мы решили снабдить датировкой все использованные в статье поэтические фрагменты.

Этот мир такой святой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске².

Эти замечательные строки Николая Гумилева подчеркивают важную черту русского национального характера — легкость на подъем, готовность отправиться за счастьем или знанием «за тридевять земель». Так частью русской культуры становился и образ безбрежного мира в целом, и его заветные уголки, вошедшие в творческую биографию русских поэтов, художников, композиторов и «раскрасившие» русскую картину мира тысячами ярчайших «заморских образов».

И вновь Николай Гумилев:

Ах, в одном божественном движении,
Косным, нам дано преображенье,
В нем и мы — не только отраженье,

² Гумилев Н.С. «Открытие Америки». Поэма была написана осенью 1910 г. по пути во второе, самое длительное абиссинское путешествие (через несколько месяцев после свадьбы с А. Горенко). Этим и многими другими ценными замечаниями я обязан Евгению Степанову. ▶

ВСАДНИК

Африканский дневник

Проект Иджма'=Согласие / Project Ijma'=Concordia

HORSE-RIDER

African Diary

Recently, we hear more and more often the phrase 'Russian world' on TV, in press, in scientific works. Among its numerous definitions I prefer those that underline the impact of Russian culture on civilization. This Russian world has really no limits since the Muse of Far-Away Travels quite often carried away remarkable cultural figures outside the country:¹

'Muse and I are swift-footed,
And love willows along the road,
Rhythmical wheels' squeak and
White sails on a big river far off.

¹ The poems dating is always relative, as well as the poetic time. It's not divided into past, present or future: a poet can foresee events and can respond many years later. The same happens with addressee of the verses: a poet addresses to his Only Woman, Paramour, and he can devote concrete piece of poetry to one woman, then to another as it often happened in Gumilev's poetic biography. Nevertheless, we decided to date all the verses used in the article.

В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас Бог расположил!³

Русская культура — одна из тех, которые имеют поистине глобальный характер: познавая себя, мы познаем и весь мир, познавая мир — обогащаем и познаем себя.

В Петербургской Кунсткамере бережно хранятся практически неизвестные широкой публике коллекции и документы, связанные с путешествием Николая Гумилева в Абиссинию. Он был командирован туда в 1913 г. от имени Санкт-Петербургской Академии наук и музея «для сбора и покупки этнографических экспонатов, создания коллекции этнографических фотографий, записей фольклора». Экспедиция готовилась самым тщательным образом: ее курировали сам директор музея академик Василий Радлов и вы-

дающийся отечественный этнограф Лев Штернберг, в то время — главный хранитель музея, а Гумилев оказался способным учеником.

В 2008 г. в рамках музейного проекта «Николай Гумилев в Абиссинии. Материалы экспедиции Музея антропологии и этнографии 7 апреля — 20 сентября 1913 г.» директор МАЭ РАН Ю. К. Чистов организовал экспедицию в юго-восточные районы Эфиопии. За двенадцать дней работы экспедиция прошла около 5 500 км и побывала там, где почти сто лет назад прошел Николай Гумилев. На протяжении многих десятилетий ленинградские ученые не могли упоминать имя расстрелянного поэта в связи с привезенными им коллекциями и дневниками, но в России бережно хранили и передавали друг другу, часто по памяти, стихи его африканского цикла, стихи о радости странствий, об открытиях в себе и окружающем мире, стихи о любви и расставании. Результатом экспедиции должен стать в первую оче-

редь большой медийно-выставочный проект, который музей вскоре надеется показать своим посетителям.

В рамках работы экспедиции велся сбор материалов по истории и современному положению ислама в Восточной Африке. По проекту «Иджма' = Согласие» были взяты интервью у двух влиятельных лидеров мусульман Восточной Африки — шейха Ибрагима Шарифа, главы Высшего духовного совета провинции Харар и шейха Омара Гаради, потомственного главы мусульман Шейх-Гуссейна, надзирающего за одноименным мемориальным комплексом.

«Европеец, если он счастливо проскользнет сквозь цепь ноющих скептиков (по большей части из мелких торговцев) в приморских городах, если не послушается злоеющих предостережений своего консула, если, наконец, сумеет собрать не слишком большой и громоздкий караван, может увидеть Африку такой, какой она была тысячу лет тому назад: безыменные реки

³ Там же.

Веселая мадонна. Окрестности Харара.
Cheerful madonna. Harar outskirts.

This world is so holy and strict
That there is no place
for vain melancholy.²

These lines by Gumilev emphasize the main trait of Russian national character — readiness to go overseas for knowledge or happiness. Thus the image of boundless world becomes the part of Russian culture; the image that was reflected in the works of poets, artists, composers and coloured the Russian picture of the world with thousands of overseas images.

And again he wrote:

'Ah! in one divine move
Being sluggish
we are given transfiguration
In which we are not only reflection,
Those who lived become alive...

² Gumilev N. 'Discovery of America'. The poem was written in autumn 1910 on his way to the second, the longest travel to Abyssinia (some months later after his wedding with Gorenko A.). I owe these and further remarks to Stepanov E.

Oh earthly paths,
in a system of tendons,
In a rose of veins God arranged you!³

Russian culture is one of those having the global character. Learning something about ourselves, we learn something about the world, and learning something about the world we enrich and learn ourselves.

Saint-Petersburg Kunstkamera contains collections and documents concerned with Gumilev's travel to Abyssinia hardly known to the public. He was sent there in 1913 on behalf of Saint-Petersburg Academy of Sciences and Museum 'to gather and buy ethnographic exhibits, to create collections of photos, to record the folklore.' The expedition was well organized; it was supervised by the director of the museum — full member of the Academy Vassily Radlov, and by the remarkable Russian ethnographer Leo Sternberg, at that time principal curator of the museum. Gumilev turned out to be a capable pupil.

³ Ibid.

In 2008 within museum project 'Nikolai Gumilev in Abyssinia. Material of the Expedition by Anthropology and Ethnography Museum, 7th April — 20th September 1913' the director of the Museum Dr. Yuri Chistov organized an expedition to the south-eastern regions of Ethiopia. During 12 days the expedition walked about 5500 km and saw the places Gumilev had seen almost 100 years ago. As a result, the Museum hopes to present soon an exhibition and media project.

Within the work of expedition its members collected data on history and contemporary state of Islam in Eastern Africa. Within 'Ijma' = Concordia' project they obtained interviews from the two authoritative Muslim leaders of Eastern Africa — Sheikh Ibrahim Sharif, the head of the Supreme Spiritual Council of Harar province, and Sheikh Omar Garadi, hereditary head of Muslims of Sheikh Hussein, who curates the memorial of the same name.

'A European, if he manages to get through a group of moaning skeptics (mainly, small

с тяжелыми свинцовыми волнами, пустыни, где, кажется, смеет возвышаться голос только Бог, скрытые в горных ущельях сплюшь истлевшие леса, готовые упасть от одного толчка; он услышит, как лев, готовясь к бою, бьет хвостом бока... и если он охотник, то там он встретит дичь, достойную сказочных принцев», — писал Николай Гумилев⁴.

Что ж, наш караван был небольшим — три мощных внедорожника — и, думаю, что во многих случаях нам удалось увидеть Африку такой, какой ее видел замечательный русский поэт.

Истории путешествий Николая Гумилева в Африку переплетены с историей его непростых взаимоотношений с Анной Ахматовой. Несмотря на лежащую на поверхности «отстраненность» от лирической темы стихотворений, вошедших в самый африканский сборник поэта — «Шатер», подлинным нервом

⁴ Гумилев Н.С. «Африканская охота (из путевого дневника)» (1914 г.).

всего поэтического дневника поэта, связанного с Африкой, стали отношения с любимой Женщиной, которая осталась дома. Множество взаимных измен, с помощью которых мужчина и женщина пытались излечиться от нанесенных друг другу ран, не помогли, да и не могли помочь. Посвящая стихи другим женщинам, он продолжал писать их именно ей. Любовь и расставание — история вечная, как сама жизнь.

Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался вглубь
неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.
Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.
Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них,

целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река.

И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребенный здесь,

в четырех стенах;

Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...»
И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его⁵.

⁵ Гумилев Н.С. «У камин» (1911 г.).

ВСАДНИК

Африканский дневник

Проект Иджма'=Согласие / Project Ijma'=Concordia

HORSE-RIDER

African Diary

merchants) in coastal cities, if he does not listen to the ominous warnings of his consul, if he manages to put together small caravan, he will be able to see the Africa as it was thousand years ago: unnamed rivers with heavy leaden waves, deserts, where it seems only God can raise his voice, decomposed forests hidden in canyons, ready to fall with the first push; he will hear a lion beating its sides with his tail... and if he is a hunter, he will meet game-bird, worthy of charming princes,' — wrote Gumilev.⁴

Our caravan was small — three off-road vehicles — and I assume, in many cases we were able to see the Africa a marvelous Russian poet had seen.

The story of the Gumilev's travel to Africa is closely connected with his difficult relations with Anna Akhmatova. Despite the obvious aloofness of his verses which comprised the African verse collection entitled 'Marquee', the real core of his

⁴ Gumilev N. African hunt (from the field diary). 1914.

diary is relations with his Only Woman who stayed at home. Numerous mutual adulteries with the help of which they tried to cure from the wounds did not and could not help them. Dedicating his verses to other women, he wrote them for her. Love and Parting are as old as the life itself.

'The shadow was approaching...
The fire was burning out,
He was standing alone with
his hands on his chest,

Fixing his eyes into the distance,
Saying bitter words about his melancholy:

'I made my way deep into unknown lands
My caravan was going for eighty days;

Chain of fearsome mountains,
forest, and sometimes
Some strange towns in the distance,
And time and again in the silence of night
Strange howling reached the camp.
We cut down woods, we dug ditches,
In the evenings lions approached us.

But there were no faint-hearted souls amidst us
We were shooting them leveling between eyes.
I disinterred an ancient temple
from under the sand,
And they named the river in my name.

And five big tribes in the country of lakes
Obeyed me and respected my law.

But now I am weak as if I am in a dream,
And my soul is sick, painfully sick;

I experienced what fear is
When they immured me in four walls;
Even rifle luster and waves lapping
Are not able to tear this chain...'
And hiding malicious triumph in her eyes,
A woman in the corner was listening to him.⁵

In September 1913 Gumilev came back from his travel to Africa. That is what one of his loving contemporaries wrote:

'Hunter and seafarer Sindbad.
Oh, Cairo and Damask, Baghdad and Africa, Syracuse and Rome!..

⁵ Gumilev N. By fireplace. (1911).

В сентябре 1913 г. из путешествия в Африку вернулся Николай Гумилев. Вот как позднее писала о нем юная влюбленная современница:

«Охотник, мореплаватель Синдбад.
О, Каир и Дамаск, Багдад и
Африка, — Сиракузы и Рим!..

Он ныряет в море «за жемчужинами редких слов».

Он поет весело — о Женщине и о Мире. Потому что мир открылся для него как новобрачная, как влюбленная женщина — весь. И посвятил его во все тайны своего Неба и во все прелести своей Земли.

Он смел, мудр, отважен, как рыцарь. Он идет прямо к цели, побеждая препятствия...

Авантюрист как Казанова.

Он возлюбил экзотические, юные, солнцем палимые страны... Он берет

жизнь; и вливает ее в свои дивные, смелые, солнечные строфы...»⁶.

Гумилев вернулся из сложнейшего путешествия, которое он совершил по заданию Петербургской Кунсткамеры и Академии наук, но окололитературная публика, даже близкие друзья равнодушно и насмешливо отнеслись к восторженным рассказам о его путешествии «в страну Галла». По многочисленным свидетельствам пережитые обиды и унижения он не забыл до конца жизни. Всего же больше было отношение любимой женщины, Анны Ахматовой:

«Из поэтесс, читавших свои стихи в Башне, ярче всего запомнилась Анна Ахматова. Пленительная сила струилась от нее, как и от ее стихов. Тонкая, высокая, стройная, с гордым поворотом маленькой головки, заку-

⁶ Эти строки, написанные в 1916 году, принадлежат 19-летней Ольге Арбениной. См.: Гумилев Н. Исследования. Материалы. Библиография. — СПб., 1994. — С. 364.

танная в цветистую шаль, Ахматова походила на гитану. Нос с горбинкой, темные волосы, на лбу подстрижены короткой челкой, на затылке подхвачены высоким испанским гребнем. Небольшой, тонкий, не часто улыбающийся рот. Темные, суровые глаза. Ее нельзя было не заметить. Мимо нее нельзя было пройти, не залюбовавшись ею.

На литературных вечерах молодежь бесновалась, когда Ахматова появлялась на эстраде. Она делала это хорошо, умело, с сознанием своей женской обаятельности, с величавой уверенностью художницы, знающей себе цену»⁷.

Это было далеко не первое путешествие Гумилева в Африку и оно, как и прежде, совпало с непростыми личными обстоятельствами поэта. Позднее он напишет:

⁷ А. Тыркова-Вильямс. «Тени минувшего». Цит. по: Ахматова А. А. Собр. соч. — М., 2001. — Т. 5. — С. 544.

1. Н. С. Гумилев. Гравюра Н. С. Войтинской. Журнал «Аполлон», № 2, 1909 г.

2. А. А. Ахматова. Фотопортрет М. С. Нappelъбаума 1922 г.

3. «И как в хижине дымной меня поджидает// Для веселой охоты мой старый слуга».

1. Nikolai Gumilev. Engraving by Voitinskaya N. 'Apollon' magazine, Issue № 2 1909.

2. Anna Akhmatova. Photograph by M. Nappelbaum. 1922.

3. 'He is waiting for me like in hut full of smoke// For a hunt full of joy, my old vassal'.

He dives into the sea 'for the pearls of unique words'.

He sings joyfully about Woman and the World. Because the world opened to him like a newly-wed girl like a woman fallen in love — all. The world let him into all secrets of the heaven and into all charms of its Earth.

He is brave, wise, brave like a knight. He goes straight to his goal, fighting the victory over the obstacles.

An adventurer like Casanova.

He loved exotic, young, heat by the sun countries... He takes life; pours it into his wonderful, brave, sunny verses...'⁶

Gumilev returned from the complicated travel to Africa on instructions of Kunstkamera and Russian Academy of Sciences. Public close to literature and even his friends indifferently and even archly took enthusiastic stories of his travel to the country of Galla. According to numerous

⁶ These lines written in 1916 belong to 19-year old Olga Arbenina. See: Nikolai Gumilev. Researches. Materials. Bibliography. Saint-Petersburg, 1994, p. 364 (in Russian).

...Ах, бежать бы,
скрыться бы как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикомору
И не подниматься никогда...⁸

Отъезд — 7 апреля 1913 г.

9 апреля, сидя за столиком одесского кафе, Гумилев написал первое из своих экспедиционных писем:

«Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца, но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Галла и понять, увидя Луну, что она алмазный щит богини воинов Паллады. <...> Целуй от меня Львеца (забавно,

⁸ Гумилев Н.С. «Вероятно, в жизни предъудшей...» (1917 г.).

я первый раз пишу его имя) и учи его говорить «papa».

Вскоре пароход «Тамбов» отчалит от российских берегов. Константинополь, Суэцкий канал, Порт-Саид, Джидда:

И каждый вечер кажется, что вскоре окончится терновник и волчцы, Как в золотом Багдаде, как в Бассоре Поднимутся узорные дворцы, И Красное пылающее море Пред ним свои расстелет багрецы, Волшебство синих и зеленых мелей... И так идет неделя за неделей⁹.

«Подойдя к борту, можно видеть и воду, бледно-синюю, как глаза убицы. Оттуда временами выскакивают, пугая неожиданностью, странные летучие рыбы. Ночь еще более чудесна и зловеща. Южный Крест как-то боком висит на небе, которое, словно пораженное дивной болезнью, покрыто зо-

лотистой сытью других бесчисленных звезд. На западе вспыхивают зарницы: это далеко в Африке тропические грозы сжигают леса и уничтожают целые деревни. В пене, оставляемой паромом, мелькают беловатые искры — это морское свечение. Дневная жара спала, но в воздухе осталась неприятная сырая духота. Можно выйти на палубу и забыться беспокойным, полным причудливых кошмаров сном»¹⁰.

Джибути — 23 апреля 1913 г.

Вечером 23 апреля путешественники сошли на африканский берег. Джибути — восточные ворота в Африку. Экспедиционная работа началась, по существу, с первого дня:

«По утрам ко мне в гостиницу приходили сомалийцы племени Исса, и я записывал их песни...»¹¹.

¹⁰ Гумилев Н.С. «Африканский дневник» (1913 г.).

¹¹ Гумилев Н.С. «Африканский дневник» (1913 г.).

ВСАДНИК

Африканский дневник

Проект Иджма'=Согласие / Project Ijma'=Concordia

HORSE-RIDER

African Diary

Николай Сверчков, племянник Н. С. Гумилева и его спутник в путешествии 1913 г. на борту парохода «Тамбов». Коллекция МАЭ РАН.

Nikolai Sverchkov, Nikolai Gumilev's nephew and his companion in 1913 travel on the board of 'Tambov'. Collection of MAE RAS.

evidence he remembered till his death the offence and humiliation of those days. But the most painful was Akhmatova's attitude.

'Among all poetess reading their verses on the Tower I remembered Anna Akhmatova best of all. A captivating power emanated from her the same as from her verses. Thin, tall, slim, with a majestic turning of her head, in a colourful shawl Akhmatova resembled gitana. A hawk nose, dark hair with a short fringe caught up with a high Spanish comb. Small, thin, rarely smiling mouth. Dark, stern eyes. It was hard not to notice her. Anyone could not help admiring her. Young people on the literary evenings went mad when she appeared on the stage. She was good at it, she did it knowing her female charm and a majestic confidence of an artist who knows her value.'⁷

It was by no means the first travel to Africa and it coincided with difficulties in the poet's life. Later he wrote:

⁷ Tyrkova-Williams. Shadows of the past. Cited from: Akhmatova. Collected works. (Moscow, 2001), volume 5. — p. 544 (in Russian)

'Ah, I would ran, I would disappear as a thief,
To Africa, as before, like at that time,
I would lie down under grand sycamore
And would never go up...'⁸

Departure — April 7, 1913

April 9, sitting at the table in Odessa café, Gumilev wrote the first of expeditionary letters:

'Dear Ann, I know you do not like that and cannot understand, but I am not just happy but moreover I need to strengthen a man in me while you're becoming more a woman for me. I should never have thought that fame and happiness make our hearts weak and old; but you would never be able to study the country of Galla too and understand seeing the Moon that it was the diamond shield of Pallada's warriors... Please kiss little Leo for me (funny, it has been the first time I write his name) and teach him to say 'daddy'.

⁸ Gumilev N. Probably in previous life. 1917.

Soon 'Tambov' steamboat sailed away from Russian coast. Constantinople, the Suez Canal, Port Said, Jiddah.

'Coming to the board, one can see water, pale-blue like the eyes of the murderer. Sometimes queer flying fishes jump out there unexpectedly frightening you. Night is more wonderful and ominous. The Southern Cross hangs edgeways in the sky that is covered with golden rash of numerous stars like from the strange disease. Sheet lightnings are flashing out in the west — tropical thunders are burning out forests and whole villages. Whitish sparkles flash in the foam after steamboat — it is a sea luminescence. The day heat has fallen, but the air is unpleasantly stuffy. You can come to the deck and drop off with uneasy, full of nightmares dream.'⁹

Djibouti — April 23, 1913

April 23, the travelers landed in Africa. Djibouti is northern gates of Africa.

⁹ Gumilev N. African diary. 1913.

**Дире-Дауа – Харар.
10 или 11 мая 1913 г.**

«Надо было составлять караван. Я решил взять слуг в Дире-Дауа, а мулов купить в Хараре, где они много дешевле. Слуги нашлись очень быстро: Хайле, негр из племени мангала, скверно, но бойко говорящий по-французски, был взят как переводчик, харарит Абдулайе, знающий лишь несколько французских слов, но зато имеющий своего мула, как начальник каравана, и пара быстроногих бродяг как ашкеры. Потом наняли на завтра верховых мулов и со спокойным сердцем отправились бродить по городу. <...>

В туземной части города можно бродить целый день, не соскучась. В двух больших лавках, принадлежащих богатым индусам, шелковые шитые золотом одежды, кривые сабли в красных сафьяновых ножнах, кинжалы с серебряной чеканкой и всевозможные восточные украшения, так ласкающие глаза. <...>. Пробегают йеменские

арабы, тоже торговцы, но главным образом комиссионеры. Сомалийцы, искусные в различного рода рукодельях, тут же на земле плетут циновки, готовят по мерке сандалии. Проходя перед хижинами галласов, слышишь запах ладана, их любимого куренья. <...> И сейчас же за городом начинаются горы, где стада навианов обгрызают молочаи и летают птицы с громадными красными носами»¹².

Все было готово, небольшой караван собран. День выхода путешественников из Дире-Дауа можно считать фактическим началом экспедиции:

«Утром встали в шесть часов и двинулись дальше. <...> Через два часа пути начался подъем: узкая тропинка, иногда переходящая прямо в канавку, вилась почти отвесно на гору. Большие камни заваливали дорогу, и нам пришлось, слезши с мулов, идти пешком. Это было трудно,

но хорошо. Надо взбегать, почти не останавливаясь, и балансировать на острых камнях: так меньше устаешь. Бьется сердце и захватывает дух: словно идешь на любовное свидание. И зато бываешь вознагражден неожиданным, как поцелуй, свежим запахом горного цветка, внезапно открывшимся видом на нежно затуманенную долину. И когда, наконец, полузадохшиеся и изнеможенные, мы взойшли на последний кряж, нам сверкнула в глаза так давно невиданная спокойная вода, словно серебряный щит: горное озеро Адели. Я посмотрел на часы: подъем длился полтора часа. Мы были на Харарском плоскогории. Местность резко изменилась. Вместо мимоз зеленели банановые пальмы и изгороди молочаев; вместо дикой травы — старательно возделанные поля дурро. В галласской деревушке мы купили инджир (род толстых блинов из черного теста, заменяющие в Абиссинии хлеб) и

¹² Там же.

На рынке в Дире-Дауа.
On the market in Dire-Dawa.

ВСАДНИК

Африканский дневник

Проект Иджма'=Согласие / Project Ijma'=Concordia

HORSE-RIDER

African Diary

Expeditionary work started in fact on the first day.

'In the morning the Somali people from Issa tribe came to me, and I wrote down their songs...'¹⁰

Dire-Dawa – Harar
May 10 or 11, 1913

'It was time to put together our caravan. I decided to hire servants in Dire-Dawa, and to buy mules in Harar: they are cheaper there. I found the servants quite quickly: Haile, a negro from Mangala tribe, who spoke bad but fluent French, was taken as an interpreter, Abdulaie, a Harari, who knew only few French words but had his own mule as a head of the caravan and two fast tramps as the ashkers. Later we hired riding mules and went to stroll about the streets with a light heart.

One can stroll about the native part of the city for the whole day. The two big shops owned by rich Hindu people offer silk clothes embroidered with gold,

crooked sabers in red morocco sheath, daggers with silver mint and Oriental decorations of every sort and kind... Yemen Arabs are passing us by; they are also merchants but mainly brokers. The Somali people good at needlework braid mats on the ground, make sandals to measure. Passing the Galla huts one can smell incense, their favourite tobacco. Straight outside the city the mountains appear, where herds of baboons gnaws at spurge and birds with enormous red noses fly.'¹¹

Everything was ready; a small caravan was put together. The day of their departure from Dire-Dawa can be considered to be the start of the expedition.

'We woke up at 6 in the morning and moved ahead. <...> In two hours the ascent started, a narrow path sometimes turning into a ditch winded almost plumb to the mountain. It was difficult but pleasant. You should run without stop, and keep your balance on the sharp stones; so you do

not get tired quick. The heart is beating and it takes your breath away: the same way as on the date. But in return you are rewarded with a sudden, like a kiss, fresh smell of mountain flower, and a sudden view to the gentle befogged valley. When at last we climbed up the last range, exhausted and short of breath, a mysterious, calm water glared into our eyes like a silver shield: that was Adeli lake. I looked at my watches; the ascent took us an hour and a half. We were on Harar plateau. The landscape changed greatly. The green banana palm-trees and spurges instead of mimosas, carefully cultivated fields of durro instead of native-grasses. In Galla village we bought injera (a sort of thick pancakes from brown dough, which replace bread in Abyssinia), and ate them, surrounded by curious kids who were ready to run at our slight movement. From here a straight road leads to Harar, with accidental bridges thrown over deep cracks in the ground. We passed the second lake – Oromolo, twice as big as the previous one, shot a wader with two white tumors on its

¹⁰ Ibid.¹¹ Gumilev N. African diary. 1913.

съели ее, окруженные любопытными ребятишками, при малейшем нашем движении бросающимися удирать. Отсюда в Харар шла прямая дорога, и кое-где на ней были даже мосты, переброшенные через глубокие трещины в земле. Мы проехали второе озеро Оромоло, вдвое больше первого, застрелили болотную птицу с двумя белыми наростами на голове, пощадил красивого ибиса и через пять часов очутились перед Хараром»¹³.

По обрывам и кручам
дорогой тяжелой
Поднимись, и нежданно
увидишь вокруг
Сикоморы и розы, веселые села
И зеленый, народом
пестреющий луг¹⁴.

«Уже с горы Харар представлял величественный вид со своими домами из красного песчаника, высокими

европейскими домами и острыми минаретами мечетей. Он окружен стеной, и через ворота не пропускают после заката солнца. Внутри же это совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида. Узкие улицы, которые то поднимаются, то спускаются ступенями, тяжелые деревянные двери, площади, полные галдящим людом в белых одеждах, суд, тут же на площади, — все это полно прелести старых сказок»¹⁵.

Там колдун совершает
привычное чудо,
Тут, покорна напеву, танцует змея,
Кто сто талеров взял
за больного верблюда,
Сев на камне в тени,
разбирает судья¹⁶.

¹⁵ Гумилев Н.С. «Африканский дневник» (1913 г.).

¹⁶ Гумилев Н.С. «Абиссиния» (вариант публикации 1922 г.).

¹³ Там же.

¹⁴ Гумилев Н.С. «Абиссиния» (1918, 1921 гг.).

Харар, 11 мая — 4 июня 1913 г.

Старинная часть Харара мало изменилась с начала XX в. Харар сложился в своих современных формах еще в XVI в., как исламский город, с характерным лабиринтом узких проулков и глухих фасадов. С конца XVI по XIX вв. Харар был известен, как центр торговли и исламского образования.

Историческая часть города, окруженная стенами, построенными между XIII и XVI вв. — священна для мусульман. Даже в самой форме пространственного расположения стены, окружающей город, местные жители видят фигуру молящегося, склоненного в глубоком поклоне. Пространство города, таким образом, становится своеобразным молитвенным ковром. Длина стены — 6 666 локтей равна числу *айатов* Корана, а число ворот — пять — соотносится с пятью «столпами» ислама. Город как сакральное пространство делится на семь кругов, и «уровень святости» падает при перемещении от центра к городской

стене. Харар известен как «город святых» и, как полагают здесь, является четвертым по своему религиозному значению городом ислама. Харарцы и сегодня утверждают, что в городе 99 мечетей (по числу имен Аллаха) и около 300 могил, почитаемых святыми.

Однако, конечно же, особым почитанием окружены основатель города шейх Абадир и связанные с ним люди. Главнейшей «женской святой» Харара является Ай Абида или «Матерь святых», бывшая по преданию спутницей Абадира. Мавзолей Ай Абида играет важную роль в серии ритуалов, прежде всего свадебных.

Мавзолей святого часто является местом, где бережно хранятся рукописи. Шейх 'Абд Аллах Муса, потомственный хранитель мавзолея Саййида 'Али Хамдонга, с гордостью показал нам такую коллекцию. Один из переплетов, привезенных Гумилевым в Петербург, относился когда-то именно к ней.

На вершине горы Хаким, той горы, где святой основатель города явил перед

своими спутниками чудеса, расположен мавзолей его соратника Хакима — одно из четырех мест, где в праздник 'Ашура, отмечающий новолетие, гиен кормят особой «кашей», приготовленной для разговения мужчин. По тому, как гиены едят оставленную им еду, судят о том, каким будет новый год.

Подобно Мекке и Медине посещение Харара для европейцев долгое время было невозможно. Существовало предание о пророчестве, возвещавшем, что Харар падет, если в него проникнет хоть один христианин. Первым из европейцев сюда под видом арабского купца в 1855 г. попал знаменитый британский ориенталист, дипломат и разведчик, автор знаменитого перевода сказок «1001 ночи» сэр Ричард Фрэнсис Бартон.

Харари известны высоким уровнем развития своих ремесел. И сегодня ткачи, корзинщики, кузнецы создают в городе свои маленькие шедевры.

Исключительны по оформлению интерьеры жилых домов.

Судьба свела Гумилева с харарским губернатором, будущим знаменитым императором Эфиопии Хайле Селасие: за получением нужных для проезда бумаг Гумилев отправился к нему, прихватив, по обычаю, ящик вина в качестве подарка:

Как Мик лишь въехал в город роз

Подарки негусу он снес:

Часы, седло и карабин,

И ящик самых лучших вин¹⁷.

«Дедьязмаг поднялся нам навстречу и пожал нам руки. Он был одет в шамму, как все абиссинцы, но по его точеному лицу, окаймленному черной вьющейся бородкой, по большим полным достоинства газельим глазам и по всей манере держаться в нем сразу можно было угадать принца»¹⁸.

¹⁷ Гумилев Н.С. Вариант к тексту поэмы «Мик» (1913-1914 гг.).

¹⁸ Гумилев Н.С. «Африканский дневник» (1913 г.).

ВСАДНИК

Африканский дневник

Проект Иджма'=Согласие / Project Ijma'=Concordia

HORSE-RIDER

African Diary

head, had mercy on a beautiful ounce and in five hours found ourselves in front of Harar.¹²

‘The Harar Mount gives a magnificent view to its buildings out of red sandstone, high European houses and pointed minarets of mosques. It is circled by the wall; nobody is let in after the sunset. Inside it is the Baghdad of Harun al-Rashid. Narrow streets, first rising, then going down, heavy wooden doors, squares, full of fussing people in white clothes, the court, right here, on the square — all this is full of charm of old tales.’¹³

‘A wizard performs a

common miracle there,

A snake obedient to a song dances here,
Those who took a hundred

thalers for a sick camel,

Are predetermined by the judge

sitting on a stone under the shade.’¹⁴

Harar, May 11– June 4, 1913

The old part of Harar changed little from the beginning of the 20th century. Harar in its contemporary forms developed in 16th century as an Islamic town with peculiar labyrinth of narrow streets and blank facades. From the end of 16th to 19th centuries Harar was known as the centre of trade and Islamic education.

The historic part of the town surrounded by walls is a sacred place for Muslims. Even in the form of the wall local people see the body of a praying person bending deeply. The territory of the town is a kind of a prayer carpet. The length is 6666 cubits equal to the Ayahs in the Quran, 5 gates are 5 pillars of Islam. The town as a sacred place is divided into 7 circles, and the rate of sanctity decreases from centre to the city wall. Harar is famous as a city of saints and locals considered it to be the fourth by its religious value for Islam. The Harar people say there are 99 mosques in the city and about 300 graves thought to be sacred ones.

But surely, the most praised ones are the founder of the city Sheikh Abadir and his entourage. The principal female saint of Harar is Ay Abida, or ‘Mother of Saints’, an Abadir’s partner according to legend. An Abida’s mausoleum is very important in the rites, especially the wedding ones.

A mausoleum is often a place to store manuscripts. Sheikh ‘Abd Allah Mussa, a hereditary curator of Sayyid ‘Ali Hamdong’s mausoleum, showed us a collection of this kind. One of the covers, brought by Gumilev to Petersburg, belonged to this very one.

On the top of Hakim Mountain where the saint founder of the city showed the miracles to his fellow-travelers, the mausoleum of his companion Hakim is situated. It’s one of four places where during Ashura festival, which celebrates a new year, the hyenas are fed with a special porridge prepared for men to break their fast. By the way the hyenas eat the porridge, people know what kind of year will be.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

В начале XX в. сбылось пророчество о Хараре и европейцах. Значение города как торгового и религиозного центра резко снизилось после завершения строительства европейцами железной дороги Джибути – Аддис-Абеба, которая обошла город стороной.

И молвил негус: Он хитер,
Так пусть он разрешит наш спор.
Как раз в последние три дня
Все просят френджи у меня,
Чтоб я позволил провести
В стране железные пути¹⁹.

Место прежнего занял «новый Харар» – железнодорожная станция Дире-Дауа, хотя «старый Харар» еще долго сохранял прежний «торговый шик».

А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.

¹⁹ Гумилев Н.С. Вариант к тексту поэмы «Мик» (1913-1914 гг.).

То дочка Мохамед-Али,
Купца из Йеменской земли,
Которого нельзя не знать,
Так важен он, богат и стар,
Наряды едет покупать
Из Дире-Дауа в Харрар²⁰.

Для широкой русской публики Харар стал известен в 1896 г. В России горячо сочувствовали «черным единоверцам», одержавшим победу над итальянским экспедиционным корпусом. Российское общество Красного Креста приняло решение направить в Абиссинию мобильный отряд русских врачей. В течение месяца русские врачи работали в Хараре, где, кроме всего прочего, сделали несколько пластических операций жителям, чьи лица были искуваны гиенами – «санитарами улиц», проникшими в город ночью через специально созданные в стенах проходы. О работе русских врачей харарцы помнят и

²⁰ Гумилев Н.С. «Мик» (1913-1914 гг.).

сегодня. В апреле 2008 г. места, где они жили и практиковали, нам по собственной инициативе любезно показал шейх Ибрагим Шариф, глава Высшего духовного совета Харара: «История всегда сохраняется как в написанной, так и в ненаписанной форме, передаваясь от сыновей к сыновьям. Помощь, которую оказали в свое время русские врачи, в Хараре вспоминают до настоящего времени. Меня еще не было на свете в то время; нет ничего, что бы я прочитал об этом; но я встретил историю, которая пришла, передаваясь (из уст в уста) – ведь о добром деле все время рассказывают – поэтому и о них вспоминают», – сказал нам шейх Ибрагим Шариф.

Послушаем поэта:

«Харариты <...> очень начитанны, отлично знают Коран и арабскую литературу <...>. Их главный святой – шейх Абукир, пришедший лет двести тому назад из Аравии и похороненный в Хараре. Ему посвящены многочисленные платаны в городе и окрестностях,

1. «Узкие улицы то поднимаются, то опускаются ступенями...». Харар. 2008 г.
2. Гиены у ворот Харара. 2008 г.
3. Молитва у мавзолея Ай Абида, главной женской святой Харара.
4. Шейх 'Абд Аллах Муса, потомственный хранитель мавзолея Саййида 'Али Хамдонга с рукописью из своей коллекции.

1. 'Narrow streets, first rising, then going down...' Harar. 2008.
2. Hyenas by Harar gates. 2008.
3. Prayer by mausoleum of Ay Abida, the principal female saint of Harar.
4. Sheikh 'Abd Allah Mussa, a hereditary curator of Sayyid 'Ali Hamdong's mausoleum, with a manuscript from his collection.

Like travel to Mecca and Medina coming to Harar was impossible for the European people for a long time. There was a legend that Harar would fall with the first European person in it. The first European to come to Harar was Sir Richard Francis Barton, famous British Orientalist, diplomat and intelligence officer, the author of well-known translation of '1001 night'.

The Harar people are famous for highly developed crafts. Weavers, basket-makers, blacksmiths create their little masterpieces. Interiors of houses are unique.

The fate brought together Gumilev and Harar governor, future emperor of Ethiopia Haile Selassie. To get necessary documents Gumilev went to the governor taking a box of wine as a present.

'As soon as Mik entered the town
He brought the presents to Negus:
Watch, saddle and carbine,
And a box of the best wine...'¹⁵

'He rose to his feet towards us and we shook hands. He wore a turban, like all locals did, but with his fine-moulded face, curly beard, large gazelle-like eyes and his bearing, at once he gave an impression of a prince.'¹⁶

In the beginning of 20th century the prophecy about Harar and the Europeans came true. The significance of the city as a religious and trade centre decreased because of the railway Djibouti – Addis Ababa, which bypassed the city.

'And Negus said: He is artful,
Then let him settle our dispute.
Exactly for the last three days
Everybody asks me
To allow building
The railway in the country.'¹⁷

It was replaced by a 'new Harar' – a railway station Dire-Dawa, though the

¹⁵ Gumilev N. Variant of poem 'Mik'. 1913-1914.

¹⁶ Gumilev N. African diary. 1913.

¹⁷ Gumilev N. Variant of poem 'Mik'. 1913-1914.

так называемые аулиа. Аулиа здешние мусульмане называют все обладавшее силой творить чудеса во славу Аллаха»²¹.

Именно здесь Гумилев собрал большую часть своих этнографических коллекций:

«Мы <...> принялись за работу в Хараре. <...> Я собирал этнографические коллекции, без стеснения останавливал прохожих, чтобы посмотреть надетые на них вещи, без спроса входил в дома и пересматривал утварь, терял голову, стараясь добиться сведений о назначении какого-нибудь предмета у не понимавших, к чему все это, хараритов. Надо мной насмеялись, когда я покупал старую одежду, одна торговка прокляла, когда я вздумал ее сфотографировать, и некоторые отказывались продать мне то, что я просил, думая, что это нужно мне для колдовства. Для того

²¹ Гумилев Н.С. «Африканский дневник» (1913 г.).

чтобы достать священный здесь предмет — чалму, которую носят харариты, бывавшие в Мекке, мне пришлось целый день кормить листьями ката (наркотического средства, употребляемого мусульманами) обладателя его, одного старого шейха. И в доме матери каваса при турецком консульстве я сам копался в зловонной корзине для старья и нашел там много интересного. Эта охота за вещами увлекательна чрезвычайно: перед глазами мало-помалу встает картина жизни целого народа, и все растет нетерпенье увидеть ее больше и больше»²².

Оказавшись в «книжном городе» Гумилев смог приобрести по существу уникальный «набор инструментов для переплетения книг, четыре деревянных и три орнамента для тиснения из кожи носорога, пять старых пустых переплетов, портфель для бумаг, деревянную подставку для раскрытой книги».

²² Там же.

Вещи, приобретенные «в доме старухи хараритянки», «у заезжего сомалийца», «у женщин продащиц на базаре», сложились в интереснейшую и во многом уникальную этнографическую коллекцию, представляющую всю гамму традиционных ремесел Харара — важнейшего центра исламской учености.

Среди европейцев, которые прибывали в Харар по торговым делам, волею судеб оказывается и Артур Рембо, сам прославивший себя сюда «на торговую каторгу» и проживший в городе больше десяти лет. Сегодня об этом напоминает «Дом Рембо», торжественно открытый в 2000 г. в качестве культурного и музейного центра в здании «харарско-индийской» архитектуры, возведенном богатым индийским купцом в начале XX в. Гумилев не мог не знать о «харарском периоде» Рембо, но в его материалах, связанных с Африкой, об этом нет ни строчки. Удивительно: если Рембо убежал в Харар от поэзии, то Гумилев приезжал сюда за ней. ▶

ВСАДНИК

Африканский дневник

Проект Иджма'=Согласие / Project Ijma'=Concordia

HORSE-RIDER

African Diary

'old Harar' preserved its 'trade chic' for a long time.

The public learned about Harar in 1896. Russian people sympathized with 'black coreligionists', who had won a victory with an Italian expeditionary corps. The Russian Red Cross decided to send a group of doctors to Abyssinia. During a month they worked in Harar, where they along the way carried out several plastic operations on people bit by hyenas — so-called street orderly — that came to the city through special holes at night. The Hararis still remember Russian doctors. Their help is still remembered. In April 2008 the head of the Supreme Spiritual Council Sheikh Ibrahim Sharif showed us the places where they lived and worked. 'The history is always kept in oral or written form, passing from sons to sons. Their help is still remembered. I wasn't born yet at that time, I read nothing about it but I heard a story that spread by word of mouth. People always talk about good deeds, that is why they are not forgotten', — told us Sheikh Ibragim Sharif.

Let's listen to the poet:

'The Hararis are very well-read; they know the Quran and Arabic literature perfectly well. Their principal saint is Sheikh Abukir, who came 200 years ago from Arabia and was buried in Harar. Many sycamores in the city and in the suburbs are dedicated to him, so-called awliya. Local Muslims call so everything that can work wonders in the name of Allah.'¹⁸

It was here that Gumilev gathered most part of his ethnographic collections.

'We <...> started to work in Harar. <...> I gathered ethnographic collections, stopped passers-by without ceremony to look at their clothes, came into houses without permission and looked over things, lost my head trying to learn the function of a thing, they mocked at me when I bought old clothes, one market-woman cursed me when I tried to take a photo of her and some refused to sell things I wanted thinking I needed it for witchcraft. To get a turban, the Hararis who attended to Mecca wore, a sacred object here, I had

¹⁸ Gumilev N. African diary. 1913.

«Все просят френджи у меня, // Чтоб я позволил
провести / В стране железные пути»..

'Everybody asks me, // To allow building //
The railway in the country.'

Вторая половина XX в. ознаменовалась в социальной и этнокультурной жизни Харара множеством неоднозначных и разнонаправленных процессов. Эти годы вместили и попытки борьбы за независимость, и массовую эмиграцию в США, Канаду и Австралию в 70-е и 80-е годы, вызванную политикой марксистского режима, и борьбу за сохранение родного языка и культуры, и пришедшее понимание нового места города в реалиях мира, охваченного глобализационными процессами. С 1995 г. Харар имеет статус одного из 11 этнополитических образований (*килил*), входящих в федеративную Эфиопию.

«При режимах, которые прежде существовали в Хараре, в Эфиопии, мусульмане считались гражданами второго сорта. Но, поскольку сейчас в нашей стране свобода вероисповедания подкреплена конституцией, движение развивать нашу веру и учить ей обрело широкие возможности. И мы, говоря: «Стало лучше!» — имеем в виду, что в

нашей стране, регионе для нас сложилась более благоприятная ситуация», — сказал нам шейх Ибрагим Шариф.

В 2002-2003 гг. Харар, как город, который может служить образцом в поддержке этнокультурного и религиозного многообразия, получил UNESCO's Cities for Peace Prize: «Благодаря чему город удостоился премии мира? У нас в Хараре места поклонения различных конфессий едва ли удалены друг от друга на 100 метров. Если мы посмотрим на Фэрэс Мэгала — раньше это была мечеть — Мэдхане Алеем, то эта церковь отдалена от главной мечети Джум'а на расстояние в 50 метров... А еще в 50 метрах находится католическая церковь. Кроме того, как вы знаете, Харар является местом встречи народов и народностей, которые живут здесь, торгуя в мире и исповедуя здесь желаемым образом свои религии. Вот благодаря этому город и получил премию».

«...У меня есть мое убеждение, и у каждого есть свое. Я не говорю ему, принуждая: «Так ты не применишь мою

веру?». И другой не требует, чтобы его вера была принята, потому что у нас своя. В то время как мы существуем, у каждого своя вера: «У вас — ваша вера, у меня — моя вера». Мы в Хараре, в нашем регионе живем в условиях терпимости такого рода, в такой обстановке... Я должен уважать твою религию, а ты должен уважать мою веру; и между нами двумя не возникнет проблем. Все мы полагаем, что завтра в потустороннем мире мы войдем в рай. Ты можешь войти посредством твоей веры, и я могу войти посредством моей веры». Мы живем как семья. Вера у каждого для себя, а в общественной жизни мы работаем вместе. Если угощают на свадьбе, то христианин не делает только для себя, и мусульманин не делает только для себя, здесь в старом городе. Таким единством я, мы гордимся, и я верю, что это культура, которой может гордиться весь народ Харара», — продолжил шейх Ибрагим Шариф.

Между тем, как и прежде, одна за одной волны проповедников из исламских

Шейх Ибрагим Шариф, глава Высшего духовного совета Харара.

Sheikh Ibragim Sharif, the head of the Supreme Spiritual Council of Harar province.

stated by constitution, this movement to develop our faith and teach it saw new possibilities. And by saying: 'It is better now!' we mean that in this country, in this region there is a favourable situation for us,' — told us Sheikh Ibrahim Sharif.

In 2002–2003 Harar as an example of support of ethno cultural and religious variety got UNESCO's Cities for Peace Prize. 'Why did the city get this prize? Here in Harar worship places are not far as 100 metres from each other. If we look at Feres Megala — former Medhan Alem Mosque, this church is remote from the major Jum'a Mosque for 50 metres... and there's also a catholic church at the same distance. Beside, as you know, Harar is a place of meeting for peoples and nationalities who live there, trade peacefully and profess their religions. That's why the city got this prize.'

'I have a strong belief that every person has his own believes. I do not press him by saying: 'Will you take my faith?', and he does not demand from us to take his faith because we have our own. We all have our own faiths. 'You have your faith, and I have my own'. In Harar, in our region we live in the air of tolerance... I should respect your faith and you should respect mine, and we will have no problems. We all think that tomorrow in the other world we will come to the paradise. You can come in by your faith and I with the help of mine.' We live as a family. Every person has its own faith for himself, and in the social life we work together. If you are given a treat on the wedding, a Christian does it not only for himself, and the same thing with a Muslim here in the old town. We are proud of such unity and I believe that it is the culture

to feed one old Sheikh, the owner of turban, with the leaves of qat, a drug taken by the Muslims. In the house of a mother of Turkish Consulate kawas I dug in stinking basket for old stuff and found many interesting things. This quest for things is extremely fascinating; gradually I was getting the picture of life of the whole nation, and I long for seeing more.¹⁹

Finding himself in the 'book town', Gumilev managed to buy a unique 'tool kit to case books, four wooden and three ornaments out of rhinoceros skin for stamping, five empty old casings, a briefcase, a wooden bookholder.'

The things bought at 'an old Harari woman's house', from 'a touring Somalian', from 'market-women' made up an interesting and unique ethnographic collection, which presents traditional crafts of Harar — major centre of Islamic education.

Among Europeans who came to Harar on business trip was Arthur Rimbaud, who

had condemned himself to trade servitude. Today we are reminded of this fact in 'House of Rimbaud' that was opened in 2000 as a cultural and museum centre in the building with a 'Hindu-Harari' architecture' erected by a rich Hindu merchant in the beginning of 20th century. (picture 20). Gumilev could not but know about this Rimbaud's 'Harari period', there is no mention of it in his materials about Africa. Surprisingly enough that Rimbaud came to Harar to escape from poetry, and Gumilev came here for it.

The 2nd half of the 20th century was marked by a number of ambiguous processes in Harar social and cultural life. Fight for independence, mass migration to the USA, Canada, and Australia in 70-80s, as a result of Marxist policy, fight for preservation of mother-tongue and culture, new place of the city in the world globalized society. Since 1995 Harar is one of 11 ethno-political divisions (or kilils) of Federal Ethiopia.

'Under past regimes in Ethiopia and Harar Muslims were thought to be second-rate. But nowadays with religious freedom

¹⁹ Ibid.

центров Ближнего Востока продолжают нести сюда традиции и обычаи, религиозные предпочтения и практику, чуждые для ислама, укоренившегося на протяжении веков на местной почве. Традиционный для этих мест ислам суфийского толка подвергается в последние десятилетия массивному давлению со стороны фундаменталистских групп и организаций, действующих как на Аравийском полуострове, так и в Сомали. Это проявляется и в масштабной программе строительства мечетей, возводимых в окрестных деревнях по типовому проекту и финансируемой из внешних источников, и в огромном количестве телевизионных тарелок (дешу — от англ. «dish»), установленных на крышах очень бедных домов и явно подаренных их обитателям, и в исчезновении из обихода амулетов с молитвами и кораническими текстами, столь характерных для суфийских регионов, и, наконец, в политических и экономических новостях, которые приходят из региона.

Наша экспедиция работала на территории Юго-Восточной Эфиопии с 22 марта по 5 апреля 2008 г. Вскоре после нашего возвращения, 21 апреля Эфиопия объявила о разрыве дипломатических отношений с Катаром, финансирующем спутниковый телеканал «Ал-Джазира», обвинив Доху в поддержке Национального фронта освобождения Огадена и связанной с «Ал-Каидой» группировки «Аш-Шаббаб» — вооруженного крыла повстанческого движения «Союз исламских судов», вытесненного из многих городов Сомали эфиопскими войсками в 2006 году. 2 мая в результате удара с воздуха, организованного США, был убит лидер организации «Аш-Шаббаб» Аден Хаша Айро.

Однако самое важное событие произошло накануне нашего приезда в Эфиопию: 12 марта было объявлено о начале осуществления проектных работ под строительство 28-ми километрового моста между Йеменом и Джибути как части трансконтинентальной магистра-

ли, призванной связать страны Дальнего Востока с Африкой. Финансирование проекта осуществляет международный консорциум, основу которого составляют финансовые группы, базирующиеся в странах Залива и ищущие сегодня варианты вложения обесценивающихся долларовых активов. В проекте, обеспечивающем сухопутный экспорт с Дальнего Востока, заинтересован Китай, вложивший в последние годы миллиарды долларов в добычу полезных ископаемых в Африке. Строительство моста повлечет реконструкцию и развитие железной дороги Джибути — Аддис Абеба, разработку местных минеральных ресурсов, в том числе — керамического сырья, железных и медных руд, залежи которых разведаны в окрестностях Харара.

Очевидно, что осуществление проекта такого масштаба повлечет серьезные социально-культурные последствия и, в частности, будет способствовать резкому усилению давления на «местный ислам» — возможность легкого пересечения

ВСАДНИК

Африканский дневник

Проект Иджма'=Согласие / Project Ijma'=Concordia

HORSE-RIDER

African Diary

whole Harar can be proud of.' — continued Sheikh Ibrahim Sharif.

Meanwhile, preachers from Islamic centres of the Near East keep on bringing their traditions and customs, religious preferences and practices strange to Islam that has taken roots in this region for centuries. The Sufi Islam, traditional for the region, has been under continuing attacks of fundamentalist groups and organizations acting both on the Arabian Peninsula and in Somalian land. It is expressed in a mass mosque construction by standard projects invested outside, in a great number of satellite TV-dishes (deshu — from English 'dish') on the roofs of every miserable house and evidently given to their inhabitants as a present, in disappearance of amulets and the Quran texts from everyday life, so typical

of Sufi regions and, finally, in political and economical news from the regions.

Our expedition worked in South-Eastern Ethiopia from March 22 to April 5, 2008. Soon after our return, on April 21, Ethiopia declared its rupture of relations with Qatar, which finances TV-channel 'Al-Jazeera', blaming Doha for support of Ogaden National Liberation Front and Al-Shabab group (that had connections with Al-Qaida) — an armed home front of insurgent 'Union of Islamic Courts' that was forced out of many Somali towns in 2006. On May 2 air attack of American forces killed the leader of Al-Shabab group — Aden Hashi Airo.

But the most important event happened on the eve of our arrival to Ethiopia. March 12 was declared a start of project

works of constructing a 28-km bridge between Yemen and Djibouti as a part of transcontinental high-way to connect the Far East and Africa. The project is financed by an international consortium of financial groups from the Gulf who seek ways to invest cheapening dollar assets. The project that supports land export from the Far East presents an interest to China which has invested billions of dollars into mining operations in Africa recently. The construction will cause reconstruction and development of Djibouti — Addis Ababa railway, mining of natural resources including ceramic, iron and copper ores found in Harar.

It is evident that this project will cause serious social and cultural consequences and will help to increase pressure on 'local

Баб-эль-Мандебского пролива обеспечит многократный рост числа африканских мусульман, совершающих хадж, а значит и рост популярности саудовской версии ислама и попыток унификации религиозного пространства по обе стороны пролива. Начало этого процесса мы и наблюдали в апреле 2008 г.

«Главный враг сына человеческого — экономика, прибыль! — сказал нам шейх Ибрагим Шариф. — Ради прибыли делается много вещей... И если ты будешь жить, положив эту прибыль за основу твоих действий, то дело невозможно уладить, даже если ты знаешь что все [люди] по природе едины». И если мы посмотрим на все войны, которые имели место в этом мире, их причину делала экономика».

Мы попросили, чтобы шейх закончил интервью фразой на своем родном языке — харари, и дал английский перевод, ибо не были уверены, что дома найдем специалиста по этому редкому языку. Вот, что мы услышали: «Объединитесь!

Просто забудьте о религии...человечество должно быть единым. Только тогда мы сможем двигаться к процветающему миру. В противном случае, будучи разобщенными, мы никогда не достигнем успеха в нашей жизни. Вот, что я сказал...»

Сегодня значительная часть населения старого города — харари (*gei 'usu* — «люди города»), народ, говорящий на семитском языке, который они называют *gei sinan* — «язык города». Сам же Харар, бережно хранящий древние традиции — это для его жителей город (*gei*) по преимуществу, подобно Риму (Urbs) или древнеаравийскому Ясрибу, ставшему Мединой («Городом»).

Для Николая Гумилева Харар, мусульманский город, в котором он пробыл дольше всего, стал воплощать «идею» города ислама как такового. Харар, полный для Гумилева «прелести старых сказок», его люди в белых одеждах, его улицы и площади, мечети и базары, вновь и вновь «прочитываются» и

в стихотворениях, прямо не связанных с этим городом:

Города, озаренные солнцем,
Словно клады в зеленых трущобах,
И из них, как грозящие руки,
Минареты возносятся к небу²³.

В апреле 2008 г., уезжая из Харара, мы остановились на вершине одной из окрестных гор. Дул сильный ветер. Перед нами в долине открылся вид на залитый солнцем город, ставший для Гумилева прообразом средневекового Багдада, города халифа, прельщавшего красавицу-пери своим богатством и властью:

Мы будем слушать ветер горный
С высоких каменных террас,
Смотреть на город, нам покорный,
На мир, живущий ради нас²⁴.

²³ Гумилев Н.С. «Судан» (1918, 1921 гг.).

²⁴ Гумилев Н.С. «Дитя Аллаха» (1916 г.).

1. Вид на Харар с окрестных гор. 2008 г.
2. Дом Рембо. 2008 г.
3. Церковь Фэрас Мэґала. 2008 г.

1. A view to Harar from the enviroing mountains. 2008.
2. 'House of Rimbaud'. 2008.
3. Church Feres Megala. 2008.

Islam'. A possibility to cross Bab el Mandeb will increase a number of African Muslims making hajj. As a result popularity of Saudi version of Islam will rise and attempts to unify religious space on both sides of the strait will take place. We saw the start of this project in April 2008.

'The principal enemy of a man is an economy, a profit!' — told us Sheikh Ibrahim Sharif. 'We do a lot of things for the sake of profits... If you live making it a basis of your life, it will be impossible to deal with the matter, even knowing that all men are equal'. And if we take all wars we'll see that they were caused by economy'.

We asked Sheikh to finish the interview with a phrase in his language — Harari, and to give its English equivalent. 'Unite! Forget about religions.... Mankind must be united. Only in this way we could move forward. In

the other way, we will never reach success in our life. That is what I said.'

Today the most part of the people living in the old city are the Harari people (*gei 'usu* — 'people of the city'), a people that speaks the Semite language which they call *gei sinan* — 'city language'. Harar that carefully keeps traditions is predominantly a city for its inhabitants (*gei*), like Rome (Urbs) or ancient Arabian Yathrib that became Medina ('City').

For Gumilev Harar, the Muslim city where he stayed longer then in the other ones, became a living picture of an Islam city. Harar full of charm of old fairy-tales, its people in white clothes, its streets and squares, mosques and bazaars are clearly read in his verses that are not connected with the city:

'There are cities lit up with the sun
Like the treasures in green thickets,
And like threatening hands from them
The Minarets rise to the sky.'²⁰

Leaving Harar in April 2008 we stopped on the top of a local mountain. Strong wind was blowing. We saw a view to the valley with a city lit by the sun that became for Gumilev a prototype of medieval Baghdad, a city of caliph, who seduced a peri-beauty with his power and wealth.